

УДК 94(495)

UDC 94(495)

**СИМВОЛИЗМ БЕЛОГО
И ЧЕРНОГО ЦВЕТОВ
В ВИЗАНТИЙСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ XIII–XV ВВ.****THE SYMBOLISM OF WHITE
AND BLACK COLOURS IN THE
BYZANTINE HISTORIOGRAPHY
OF THE XIII–XV CENTURIES****И. Н. Румчик,***аспирант кафедры истории
древнего мира и средних веков БГУ***I. Rumchyk,***Postgraduate student of the Department of history
of the Ancient World and the Middle Ages BSU*

Поступила в редакцию 02.10.2023.

Received on 02.10.2023.

Статья знакомит читателя с функциями черного и белого цветов в византийской историографии XIII–XV вв. Анализ использования черного и белого цветов позволяет проиллюстрировать политические и моральные контексты, для описания которых использовались белый и черный цвета. Структурно статья состоит из описания состояния исследований в вопросе символизма черного и белого цветов в византийской культуре; затем приводятся примеры использования белого и черного цветов византийскими историками и символизма данных цветов в их работах, а также сравнения данного символизма с символизмом в изобразительном искусстве византийцев. Затрагивается проблема цветных хоронимов в работах византийских авторов, в том числе названия Белая Русь. Делается вывод об использовании цветов для иллюстрации моральных качеств людей, а также для обозначения иерархического положения в византийском обществе.

Ключевые слова: Византия, византийская историография, Средневековье, символизм цветов, Белая Русь, Лаоник Халкокондил.

The article provides information about the functions of black and white colours in the Byzantine historiography of the XIII–XV centuries. The analysis of using black and white colours allows to illustrate the political and moral contexts, for the description of which white and black colours were used. Structurally, the article consists of a description of the situation in studies on the symbolism of black and white colours in Byzantine culture; then examples of the use of white and black colours by Byzantine historians and the symbolism of these colours in their works are given, as well as comparisons of this symbolism with symbolism in the visual arts of the Byzantines. The problem of colours choronyms in the works of Byzantine authors, including White Rus, is touched upon. The conclusion is made about the use of colours to illustrate the moral qualities of people, as well as to indicate a hierarchical position in Byzantine society.

Keywords: Byzantium, Byzantine historiography, the Middle Ages, symbolism of colours, White Rus, Laonicus Chalcocondyles.

Введение. Византийское историописание является ценным источником информации о начальной истории многих стран современной Европы. Белорусы, русские, украинцы, болгары, сербы, хорваты и многие иные народы обращаются к византийским источникам, без которых невозможно составить полную картину их раннего прошлого.

Одним из феноменов, широко представленных в трудах византийских авторов, являются цветные хоронимы, в особенности «черные» и «белые». Белые и черные хорваты, белые сербы, белые венгры и другие народы и страны, по отношению к которым применялись эпитеты «белый» и «черный», часто встречаются на страницах византийских хроник. При этом для некоторых народов, а именно сербов и хорватов, известия о Белой Сербии и Белой Хорватии, встречающиеся у Константина Багрянородного, являются одними из первых упоминаний их стран в письменных источниках.

Известно и об использовании византийскими авторами названия «Белая Русь», давшему имя нашей стране. На данный момент един-

ственным таким примером является сообщение дипломата, представителя верхов греческой аристократии и историка Лаоника Халкокондила (годы жизни: около 1423 или около 1430 – около 1490).

Обращаясь к причинам, по которым византийские авторы давали цветные названия тем или иным народам, современные историки сталкиваются с большим количеством вопросов и отмечают отсутствие единых подходов в использовании византийцами цветных эпитетов [2]. Ярчайшим примером тому является дискуссия о достоверности сообщений Константина Багрянородного про Белую Хорватию. В то время как одни историки верят в правдивость сведений византийского императора и рассматривают сообщение Багрянородного как доказательство наличия внутри общехорватского этноса племени белых хорватов, другие авторы приходят к выводу о том, что все данные сведения носят баснословный характер [6, с. 11–42].

Потому изучение практики использования эпитетов «белый» и «черный» по отношению к различным народам византийскими автора-

ми является одной из важных задач изучения истории Европы в целом и истории Беларуси в частности.

В данной статье хотелось бы остановиться на одном вопросе данной задачи: символизме белого и черного цветов в византийской историографии XIII–XV вв. Данная задача представляется важной, т. к. без понимания смыслов, которые вкладывали византийские авторы в отношении того или иного цвета, контекста, в котором употреблялись белый и черный цвета, невозможно изучение феномена использования цветных названий по отношению к тем или иным народам.

В силу того, что охватить весь спектр византийских источников не представляется возможным, будут рассмотрены только исторические произведения различных авторов, а именно: «История» Никиты Хониата (годы жизни: ок. 1155–1217 гг.) [33], «История» Георгия Акрополита (1217 или 1220–1282 гг.) [16], «Исторические записки» Георгия Пахимера (1242 – около 1310 гг.) [17–20], «Истории» Иоанна Кантакузина (ок. 1292–1383 гг.) [21–23], «История ромеев» Никифора Грегора (ок. 1293 – ок. 1360 гг.) [30–32], «История» Ефраима (? – после 1323 гг.) [15], «О Великих Комнинах (Трапезундская хроника)» Михаила Панарета (ок. 1320 – ок. 1390 гг.) [38], «Повесть о сладкой земле Кипр» Леонтия Махеры (ок. 1380 – после 1432 гг.) [27; 28], «Воспоминания» Сильвестра Сиропула (ок. 1400 – после 1452/64 гг.) [29], «История Византии» Дуки (ок. 1400 – после 1462 гг.) [14], «Истории» Михаила Критовула (ок. 1410 – ок. 1470 гг.) [12], «Истории» Лаоника Халкокондила (ок. 1423 или ок. 1430 – ок. 1490 гг.) [25; 26], «Хроника» Георгия Вустропа (ок. 1435–1440 – после 1501 гг.) [39], а также анонимные Морейская хроника (составлена около 1300 г.) [37] и хроника Токко (составлена до июня 1429 г.) [13].

Основная часть. Следует сказать, что символизм цветов в Средневековье является предметом исследования и интереса современных историков. Наиболее известными массовому читателю являются работы профессора Сорбонны, французского историка-медиевиста Мишеля Пастуро [8; 36]. В белорусской исторической науке проблематикой символизма цветов занималась историк повседневности западноевропейского Средневековья, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ Елена Дмитриевна Смирнова в серии статей, посвященных значению цвета в средневековой одежде [9–11].

Однако большинство исследований, посвященных значению цвета в культуре, сосредоточены на регионе Западной Европы. Что касается Византии, то в основном исследователи концентрируются на символизме того или иного цвета в византийском изобразительном

искусстве [3; 4; 24]. Только несколько исследователей пыталось изучить символизм цветов в произведениях византийских историков. Так, советско-американский исследователь еврейского происхождения Александр Петрович Каждан в статье «Цвет в художественной системе Никиты Хониата» рассматривает использование византийским историком хроматической гаммы в описании им событий прошлого, в частности деяний византийских императоров [5]. Из иностранных ученых следует отметить греческого исследователя Айрины Пану. Две ее статьи – The Colours Sylvester Syropoulos Saw: The ideological function of colour in Byzantine histories and chronicles (13th-15th centuries) [35] и Colour in Byzantine Historiography (13th-15th Centuries) [34] – посвящены примерам использования различных цветов (белый, черный, красный, пурпурный и др.) и их значению в контексте сообщений автора. И если первая статья посвящена символизму цветов только в хрониках одного автора Сильвестра Сиропула, то вторая расширяет круг авторов до пула византийских историков XIII–XV вв. Для белорусских исследователей наиболее интересным из этой группы историков является вышеупомянутый Лаоник Халкокондил в связи с его сообщениями о Белой и Черной Руси. Более того, согласно мнению одного из авторитетнейших исследователей происхождения названия Белой Руси Алеся Белого, византийские источники могут содержать ранее неизвестные сведения о Белой Руси [2].

Обратимся же непосредственно к использованию черного и белого цветов византийскими авторами. **Белый.** В текстах византийских авторов используется 2 слова для обозначения белого цвета – λευκός и ἄσπρος. Также данные слова могут использоваться вместе со словом χροιά (оттенок) для описания оттенка белого (λευκόχροα).

Белый в географических описаниях. В описании Скифии и Эфиопии Григорием Пахимером присутствует противопоставление данных исторических областей с помощью белого и черного цветов. Так, приводя целый ряд различий между Скифией и Эфиопией (обе области в данном описании входят в состав Мамлюкского султаната [34, с. 223]), византийский историк указывает на то, что в Скифии, расположенной на севере, животные стали белыми, в то время как на юге, в Эфиопии, они почернели [17, с. 237]. Таким образом дополнительно подчеркиваются культурные различия между данными областями, их антагонизм, но не только по отношению друг к другу, но и по отношению к потенциальному союзнику – Византии. Григорий Пахимер тем самым подчеркивает, что византийцам нужно тщательно подходить к сбору информации о возможных

партнерах; иметь данные о состоянии дел в их культуре и политике, чтобы в дальнейшем использовать их для плодотворного сотрудничества [34, с. 223].

Лаоник Халкокондил среди византийских авторов выделяется любовью к использованию белого и черного цветов для различных хоронимов.

Под Черной Богданием, которую византийский историк упоминает несколько раз, подразумевается Молдавия [25, с. 219; 26, с. 381, 393]. Название «Богдания» использовалось по имени Богдана I Основателя (годы правления: 1363–1367) – первого независимого господаря Молдавского государства [25, с. 497]. Причина, по которой Богдания начала называться черной, до конца не установлена и выходит за рамки данной статьи. Следует лишь отметить, что в византийской, славянской и молдаво-валахской среде фигурируют хоронимы Белая и Черная Валахии. Учитывая, что по отношению к данному региону мог употребляться хороним «Угровлахия», а также то, что одни из первых упоминаний Белой Руси относятся к венгерской традиции, данные сообщения требуют особого внимания белорусских исследователей. Необходимо упомянуть и то, что столицей Черной Богдании был Белый Город [25, с. 219] – греческая калька славянского Белгорода Днестровского, бывшего в то время столицей Молдавии [25, с. 507].

Интересным выглядит сообщение Лаоника Халкокондила о том, откуда пошли славяне. В 38 части I книги византийский историк говорит о том, что правитель османской империи Мурад I пошел походом на болгаров и сербов. Это племя, т. е. славяне, согласно Лаонику, является самым древним и многочисленным племенем в мире. Далее им сообщается, что славяне либо отделились от иллирийского племени, либо могли прийти из-за Дуная из дальних концов Европы, а именно из Хорватии и территории пруссов возле Северного Ледовитого океана и возле Сарматии (называемой Русью) [25, с. 53]. Вполне вероятно, данное сообщение является отсылкой автора на Белую Хорватию, которая также располагалась за Дунаем, по сообщениям Константина Багрянородного [25, с. 487].

Упоминаются Лаоником Халкокондилем и государство белых туркоманов (туркоманской конфедерации Ак-Коюнлу) [25, с. 272–275, 404, 406; 26, с. 178, 304], с представителями династии которого правящая династия Трапезундской империи заключала браки [34, с. 215], а также держава черных туркоманов (Кара-Коюнлу) [25, с. 102, 272–275; 26, с. 164]. Название данных микроэтнонимов остались от крупных родоплеменных союзов: Ак-Коюнлу «ақ» (белый) + «қојун» (баран) + суффикс обладания «лу» > «Ақ қојунлу» (обладающий белыми

баранами); Кара-Коюнлу «qara» (черный) + «қојун» (баран) + «лу» > «Qara қојунлу» (обладающий черными баранами) [1].

Обозначаются цветным хоронимом также соседи и недавние политические соперники Великого княжества Литовского – Тевтонский орден. Византийский автор называет рыцарей его «монахами в белых одеждах» [25, с. 215].

Наиболее ценным для белорусских ученых является единственное на данный момент известное упоминание в византийской историографии Белой Руси, а вместе с ней и Черной Руси. В Черную Русь Лаоник Халкокондил включает Москву, Киев, Тверь и неопределенный исследователями Хоробион, отмечая при этом, что эти города управляются тиранами [25, с. 213–214]. Белая Русь же лежит у моря недалеко от полярного круга, как и Новгород, который имеет аристократический режим и является самым богатым городом как в Белой, так и Черной Руси [25, с. 213–214]. Генезис топонима Белая Русь у Лаоника Халкокондила на данный момент не изучен в полной мере. Алесь Белый выдвигает несколько предположений о возможном появлении его в византийской историографии: он был заимствован из латинской культуры; мог эволюционировать из этнонима белых хорватов в венгерской среде; был производным от распространенных в византийской культурной среде этнонимов и хоронимов Причерноморья – белых куман, белых венгров, белых бесов (печенегов); произойти от отождествления Албании в западноевропейских источниках X–XIII вв. с Хазарским Каганатом [2]. Интересной и заслуживающей дальнейшего развития выглядит гипотеза Алексея Мартынюка о том, что Лаоник Халкокондил свои сведения о Белой Руси взял от своего информатора из Великого княжества Литовского, и, таким образом, уже в этот период данное название использовалось на территории современной Беларуси [7].

Нравственные характеристики. У Георгия Акрополита встречается устойчивая фраза, известная еще с древнегреческой литературы – «нельзя отбелить эфиопа» [16, с. 89]. Данное выражение негативно описывает Михаила II Комнина Дуку, когда приводит сведения о разрыве его соглашения с никейским императором Иоанном III Дукой Ватацом.

В нравственном контексте используется выражение о близине истины Никитой Хониатом [33, с. 136]. Тем же автором белые паруса ставятся в оппозицию серым, которые символизируют черноту беславия [5, с. 132]. Хониат в данных описаниях выступает продолжателем греко-римской текстовой традиции, в которой белый цвет является своеобразной мерой морали [34, с. 215]. Потому особо интересными являются сообщения Никифора Грегора [32, с. 612], Иоанна Кантакузина [22, с. 167]

и Михаила Панарета [38, с. 73] об обычае смены одежды императора с пурпурных на белые во времена траура и скорби.

Описание окружающего мира. В произведениях византийских историков достаточно частое явление – использование белого для описания различных материалов. Белый цвет встречается при описании изделий из льна [22, с. 218], обуви [33, с. 332], пряжи [33, с. 594], рубашек [29, с. 340], покрывал [26, с. 178], мрамора [14, с. 133], парусов [33, с. 166].

Белый цвет фигурирует и в описаниях животного мира. Так, Никифор Грегора описывает белых овец [31, с. 355] и белых котов [31, с. 216]. Отдельного упоминания заслуживает образ всадника на белом коне или колесницы, запряженной белыми лошадьми. Данное описание встречается у множества византийских авторов – Никиты Хониата [33, с. 19, 136], Леонтия Махеры [27, с. 650]. На фоне традиционных описаний животного мира выделяется образ коня полководца Алексея Врана, созданного Никитой Хониатом в описании мятежа против Исаака II Ангела. При приближении к стенам Врана сидит верхом на черной лошади с белыми волосами на голове, выделявшимися подобно луне ночью [33, с. 378].

Упоминается белый и в описании цвета кожи. Никита Хониат говорит о том, что цвет кожи Мануила I Комнина не был темным, но и не был белоснежно-белым, скорее дымчатым [33, с. 51]. Также встречается описание цвета кожи и в хронике Токко [13, с. 476]. Вообще, описание цвета кожи является достаточно стереотипным для византийской традиции [5, с. 132].

Черный. В византийской исторической литературе используются следующие слова для обозначения черного цвета: μέλας, μελάγυροος, μελαμβαφής, μελάνωμα, μελάνωσις, μελανειμονεῖν, ὑπομελαῖνον, κατνηρός, μαῦρον, οὐτω

Иерархическое положение. У Пахимера находим ярчайший пример использования черного цвета для обозначения общественного положения. Родственник Пахимера Феофилакт, служивший секретарем у сановника Георгия Музалона, был убит бунтовщиками, т. к. был очень похож на своего господина. К несчастью для Феофилакта заговорщики не обратили внимание на черный цвет его обуви, который отличался от обычного цвета сановника ранга Георгия Музалона – зеленого [17, с. 85].

Похожий пример приводит Георгий Акрополит, описывая отказ Иоанна Комнина Дуки от императорского титула. Принимая более низкий по рангу титул деспота, правитель Фессалии снял сандалиии красного цвета, бывшего цветом императоров, и одел сандалиии черного цвета [16, с. 219–220], который в символическом смысле соответствовал чему-то средне-

му между рангом деспота и императора [34, с. 220].

Кроме того, черный цвет одежды мог ассоциироваться с потерей власти. Георгий Пахимер говорит о случае, когда Иоанн I Дука смог спастись, бежав из Новых Патр, переодевшись в темную одежду [18, с. 31]. Черная одежда Михаила V Калафата, утратившего власть, описывается Еффраимом как жалкая [15, с. 42].

Нравственные характеристики. При описании чувств черный используется как синоним негативных эмоций, зла, аморального поведения. Никита Хониат говорит о слезах, как о фонтане черной воды [33, с. 7]. Никифор Грегора при описании последних часов императоров упоминает о двух сопровождающих их мальчиках, одетых в черные одежды [31, с. 463]. Вышеупомянутую белизну истины Никита Хониат противопоставляет тьме зла и отсутствию истины [33, с. 340]. У него же черный цвет ассоциируется с аморальным поведением [33, с. 166].

Во время траура все одевались в черные одежды печали [17, с. 84]. Георгий Вустрон использует выражение «скроить черные одежды», говоря о трауре слуг после смерти царских особ [39, с. 35, 471]. Никифор Грегора говорит, что черная одежда окружает любой возраст, намекая тем самым на подверженность смерти любого человека и печаль, которую приносит смерть [31, с. 562]. Никита Хониат считает, что черный цвет – цвет вдов [33, с. 548]. Лаоник Халконкондил при описании смерти Чандарлы Халил-паши упоминает черные одежды, в которые облачились люди, окружавшие его [25, с. 208].

Также иногда выражение *одеться в черные* одежды могло означать, что человек стал монахом [31, с. 627]. Особо интересным является пример использования данного выражения в связи с описанием Никифором Грегорой жесткой церковной политики Афанасия I. Патриарх сравнивается с белым котом, который упал в черную краску и продолжил есть мышей, несмотря на то, что почернел (т. е. стал монахом) [31, с. 217].

Иногда черная одежда не содержит дополнительных смыслов. Так, Никифор Грегора при описании его посольства в Сербию говорит о болгарском племени, одевавшемся в черные одежды [31, с. 377].

Описание окружающего мира. Черный использовался для описания различных материалов и предметов: камней [26, с. 176], различных машин [12, с. 45], зерен [19, с. 91], хлеба с отрубями [18, с. 29], лекарства от серьезных заболеваний и укусов ядовитых животных [34, с. 224], железных орудий [33, с. 47]. В этом контексте достаточно необычным и сочным выглядит сравнение Михаила Критовула солнца с черной медью [34, с. 224]. Никита Хониат

использует слово *чернота* (μελανία) при описании крышки гроба Мануила I [33, с. 222].

Также как и белый, черный цвет использовался для описания животного мира. Леонтий Махера византийским народным словом μαῦρος обозначает темный окрас лошади [27, с. 650]. Полностью черная лошадь описана словом κατάμαυρον в хронике Токко [13, с. 238]. Целый раздел книги Георгия Пахимера используется для описания подарка мамлюкского султана Бейбарса I – жирафа с темной полосой посередине туловища [17, с. 237].

Черный цвет используется и для обозначения цвета кожи, в частности Хониатом [33, с. 440], Акрополитом [16, с. 89] и Еффраимом [15, с. 266]. Никифор Грегора говорит, что чернота разлилась по лицу монаха Бардариоса после того, как он несколько дней не ел и не пил [30, с. 260].

Использовался черный цвет для описания одежды и обуви, в частности сановников и вельмож. Так, Георгий Пахимер описывает окрашенные в черный цвет сандалии Иоанна Палеолога Комнина [17, с. 85]. Как было выше сказано, данным цветом обуви подчеркивался императорский статус последнего.

Цвета в работах историков и изобразительном искусстве. Начиная с Античности белый цвет символизировал чистоту и святость, отрешенность от земного и устремление к высокому, духовному. Сам термин белый имеет в греческом языке такие смыслы, как светящийся, сверкающий, серебристый, ясный, светлый, чистый.

В византийском изобразительном искусстве он сохранил данное значение, добавив к нему традицию христианского символизма. «Белыми как свет» были одежды Христа Во время Преображения на Фаворской горе согласно Евангелию (Мф. 17, 2) – момент, когда, согласно Евангелию, была приоткрыта Божественная сущность [3, с. 500].

Потому на мозаиках, иконах, фресках святые зачастую изображаются в белых одеждах. Белыми изображаются также ангелы [4]. Белыми изображались пелены Христа в сюжете «Рождества Христова», в изображении «Успения» – душа Марии. Символом чистоты и отрешенности от земного были цвет тканей, в которых было обвито тело умершего Христа; знаком божественного родства был белый осел, на котором Христос въезжал в Иерусалим. Наконец, «белыми как свет» были одеж-

ды Христа в момент Преображения на Фаворской горе согласно Евангелию (Мф. 17, 2) – момент, когда, согласно Евангелию, была приоткрыта Божественная сущность [3, с. 500].

Черный цвет противопоставлялся белому. Он был символом смерти, конца жизни. Пещера, в которую положили мертвого Христа и откуда он сошел в ад, изображалась черной. Четкое противопоставление белого цвета жизни и черного смерти заметно в следующих сюжетах: белая фигура в пеленах на фоне черной пещеры (младенец Христос в «Рождестве», воскресший Лазарь в «Воскрешении Лазаря»). Существует и более сложная оппозиция: смерть, обозначаемая черным, – земная жизнь, обозначаемая различными цветами одежд героев – вечная жизнь, обозначаемая золотым фоном, обрамляющим пещеру. Данную оппозицию можно увидеть в сюжетах «Даниил во рву со львами», «Три отрока в огненной печи» [3, с. 500].

Заключение. Нравственный символизм черного и белого цветов характерен как для изобразительного искусства византийцев, так и для их исторических описаний. В обоих случаях белый цвет наполняется положительными смыслами и противопоставляется черному. Однако не следует думать, что строгая оппозиция белый-черный с положительным символизмом белого цвета и отрицательным символизмом черного характерна для всей византийской культуры.

Более того, у византийских историков отсутствует яркий антагонизм черного и белого цвета в их описаниях. Так, в византийских источниках присутствует достаточно нейтральная оппозиция черного и белого цвета в контексте географического разделения юг-север. Кроме характерных для всех эпох описаний окружающего мира с помощью черного и белого, оба цвета использовались для указания места человека в социальной иерархии. При этом черный цвет использовался гораздо чаще и соответствовал почетным и высоким в византийской социальной структуре должностям.

Наконец, очень широко использовались черный и белый цвета в различных хоронимах, давшего название нашей стране – Белая Русь. Генезис его, как и некоторых других черно-белых хоронимов в византийской историографии, не представляется в полной мере изученным и еще ждет своих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков, Н. А. Микроэтнонимы огузских этнических групп Закавказья / Н. А. Баскаков // Turcologica 1986. К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова / ответственные редакторы, С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. – Л., 1986. – С. 36–41.

REFERENCES

1. Baskakov, N. A. Mikroetnonimy oguzskih etnicheskikh grupp Zakavkaz'ya / N. A. Baskakov // Turcologica 1986. K vos'midesyatiletiju akademika A. N. Kononova / otvetstvennye redaktory, S. G. Klyashpornyj, Yu. A. Petrosyan, E. R. Tenishev. – L., 1986. – S. 36–41.

2. *Белы, А. В.* Недаследаванасць Візантыйскіх крыніц / *A. V. Bely* // Хроніка Беларускай Русі: Імагалогія Беларусі XII–XVIII стст. / *A. V. Bely*. – 2-е выд., папраўленае і дапоўненае. – Смаленск : Інбелкульт, 2013. – С. 96–100.
3. *Бычков, В.* 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica: в 2 т. / *V. Bychkov*. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. Том 1. Раннее христианство Византия. – 576 с.
4. *Бычков, В. В.* Эстетическое значение цвета в восточнохристианском искусстве / *V. Bychkov* // Вопросы истории и теории эстетики. – 1975. – С. 129–145.
5. *Каждан, А. П.* Цвет в художественной системе Никиты Хониата / *A. P. Kazhdan* // Византия. Южные славяне и Древняя Русь // Западная Европа. Искусство и культура : сборник статей в честь В. Н. Лазарева / редкол.: В. Н. Гращенков [и др.]. – М., 1973. – С. 132–135.
6. *Майоров, А.* Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона / *A. Majorov*. – СПб. : Издательство СПбГУ, 2006. – 209 с.
7. *Мартынюк, А. В.* Восточная Европа середины XV века в сочинении Лаоника Халкокондила / *A. V. Martynuk* // Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.) / *Red. A. V. Martynuk*. – М., 2015. – С. 122–143.
8. *Пастуро, М.* Черный. История Цвета / *M. Pasturo*. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – 168 с.
9. *Смирнова, Е.* Знаки средневековых сословий: цвет костюма и его символика / *E. Smirnova* // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. Шамякіна. – 2009. – № 2 (23). – С. 63–70.
10. *Смирнова, Е.* Символика цвета и форменная одежда средневековых сословий / *E. Smirnova* // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2007. – № 2. – С. 44–49.
11. *Смірнова, А.* Колер касцюма і яго сімволіка у сярэдняй вякі / *A. Smirnova* // Беларускі гістарычны часопіс – 2008. – № 12. – С. 25–31.
12. *Critobuli Imbriotae historiae* / *Ed. Diether Reinsch*. – Berlin: W. De Gruyter, 1983. – 380 p.
13. *Cronaca dei Tocco di Cefalonia* / *Ed. Giuseppe Schirò*. – Roma: Accademia nazionale dei Lincei, 1975. – 610 p.
14. *Ducas. Istorìa turco-bizantinã (1341-1462)* / *Ed. Vasile Grecu*. – Bucharest: Editura Academiei Republicii Populare Romine, 1958. – 503 p.
15. *Ephraem Aenii Historia chronica* / *ed. O. Lampsides*. – Athens: Academiae Atheniensis 1990. – 456 p.
16. *Georgii Acropolitae. Opera* / *ed. A. Heisenberg*. – Leipzig: In aedibus B. G. Teubneri, 1903. – p 486.
17. *Georgios Pachymeres. Relations historiques* / *ed. Failler, Albert; Laurent, Vitalien*. – Paris: Les Belles Lettres, 1984. – Volume I. – 703 p.
18. *Georgios Pachymeres. Relations historiques* / *ed. Failler, Albert; Laurent, Vitalien*. – Paris: Les Belles Lettres, 1984. – Volume II. – 325 p.
19. *Georgios Pachymeres. Relations historiques* / *ed. Failler, Albert; Laurent, Vitalien*. – Paris: Les Belles Lettres, 1999. – Volume III. – 305 p.
20. *Georgios Pachymeres. Relations historiques* / *ed. Failler, Albert; Laurent, Vitalien*. – Paris: Les Belles Lettres, 1999. – Volume IV. – 421 p.
21. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV. Graece et latine* / *ed. L. Schopen*. – Bonn: E. Weber publishing, 1831. – Volume I. – 616 p.
22. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV. Graece et latine* / *ed. L. Schopen*. – Bonn: E. Weber publishing, 1831. – Volume II. – 616 p.
23. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV. Graece et latine* / *ed. L. Schopen*. – Bonn: E. Weber publishing, 1832. – Volume III. – 616 p.
2. *Bely, A. V.* Nedasledavanas' Vizantijskih krynic / *A. V. Bely* // Hronika Belaj Rusi: Imagalogiya Belarusi XII–XVIII stst. / *A. V. Bely*. – 2-e vyd., papraŭlenae i dapouŭnenae. – Smalensk : Inbelkul't, 2013. – S. 96–100.
3. *Bychkov, V.* 2000 let hristianskoj kul'tury sub specie aesthetica: v 2 t. / *V. Bychkov*. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.; Spb. : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. Tom 1. Rannee hristianstvo Vizantiya. – 576 s.
4. *Bychkov, V. V.* Esteticheskoe znachenie cveta v vostochnohristianskom iskusstve / *V. Bychkov* // Voprosy istorii i teorii estetiki. – 1975. – S. 129–145.
5. *Kazhdan, A. P.* Cvet v hudozhestvennoj sisteme Nikity Honiata / *A. P. Kazhdan* // Vizantiya. Yuzhnye slavyane i Drevnyaya Rus' // Zapadnaya Evropa. Iskusstvo i kul'tura : sbornik statej v chest' V. N. Lazareva / redkol.: V. N. Grashchenkov [i dr.]. – M., 1973. – S. 132–135.
6. *Majorov, A.* Velikaya Horvatiya: Etnogenez i rannaya istoriya slavyan Prikarpatskogo regiona / *A. Majorov*. – SPb. : Izdatel'stvo SPbGU, 2006. – 209 s.
7. *Martynuk, A. V.* Vostochnaya Evropa serediny XV veka v sochinenii Laonika Halkokondila / *A. V. Martynuk* // Alba Ruscia: belorusskie zemli na perekrestke kul'tur i civilizacij (X–XVI vv.) / *Red. A. V. Martynuk*. – M., 2015. – S. 122–143.
8. *Pasturo, M.* Chernyj. Istoriya Cveta / *M. Pasturo*. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. – 168 s.
9. *Smirnova, E.* Znaki srednevekovyh soslovij: cvet kostyuma i ego simbolika / *E. Smirnova* // Vesnik Mazyrskaga dzjarzhaj'naga pedagagichnaga ŭniversiteta imya I. Shamyakina. – 2009. – № 2 (23). – S. 63–70.
10. *Smirnova, E.* Simvolika cveta i fomennaya odezhdza srednevekovyh soslovij / *E. Smirnova* // Vesnik BDU. Seryya 3, Gistoryya. Filasofiya. Psihologiya. Palitalogiya. Sacyyalogiya. Ekanomika. Prava. – 2007. – № 2. – S. 44–49.
11. *Smirnova, A.* Koler kascyuma i yago simbolika u syaredniya vyaki / *A. Smirnova* // Belaruski gistarychny chasopis – 2008. – № 12. – S. 25–31.
12. *Critobuli Imbriotae historiae* / *Ed. Diether Reinsch*. – Berlin: W. De Gruyter, 1983. – 380 p.
13. *Cronaca dei Tocco di Cefalonia* / *Ed. Giuseppe Schirò*. – Roma: Accademia nazionale dei Lincei, 1975. – 610 p.
14. *Ducas. Istorìa turco-bizantinã (1341-1462)* / *Ed. Vasile Grecu*. – Bucharest: Editura Academiei Republicii Populaire Romine, 1958. – 503 p.
15. *Ephraem Aenii Historia chronica* / *ed. O. Lampsides*. – Athens: Academiae Atheniensis 1990. – 456 p.
16. *Georgii Acropolitae. Opera* / *ed. A. Heisenberg*. – Leipzig: In aedibus B. G. Teubneri, 1903. – p 486.
17. *Georgios Pachymeres. Relations historiques* / *ed. Failler, Albert; Laurent, Vitalien*. – Paris: Les Belles Lettres, 1984. – Volume I. – 703 p.
18. *Georgios Pachymeres. Relations historiques* / *ed. Failler, Albert; Laurent, Vitalien*. – Paris: Les Belles Lettres, 1984. – Volume II. – 325 p.
19. *Georgios Pachymeres. Relations historiques* / *ed. Failler, Albert; Laurent, Vitalien*. – Paris: Les Belles Lettres, 1999. – Volume III. – 305 p.
20. *Georgios Pachymeres. Relations historiques* / *ed. Failler, Albert; Laurent, Vitalien*. – Paris: Les Belles Lettres, 1999. – Volume IV. – 421 p.
21. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV. Graece et latine* / *ed. L. Schopen*. – Bonn: E. Weber publishing, 1831. – Volume I. – 616 p.
22. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV. Graece et latine* / *ed. L. Schopen*. – Bonn: E. Weber publishing, 1831. – Volume II. – 616 p.
23. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV. Graece et latine* / *ed. L. Schopen*. – Bonn: E. Weber publishing, 1832. – Volume III. – 616 p.

24. James, Liz. Light and Colour in Byzantine Art / L. James. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 157 p.
25. Laonikos Chalkokondylēs. The Histories: Books 1-5 / Translated by Anthony Kaldellis and Dimitris Crallis. – Cambridge/London: Harvard University Press, 2014. – 537 p.
26. Laonikos Chalkokondylēs. The histories: Books 6-10 / Translated by Anthony Kaldellis and Dimitris Crallis. – Cambridge/London: Harvard University Press, 2014. – 559 p.
27. Leontios Makhairas. Chronicle / Ed. R. M. Dawkins. – Oxford: Clarendon Press, 1932. – Volume I. – 685 p.
28. Leontios Makhairas. Chronicle / Ed. R. M. Dawkins. – Oxford: Clarendon Press, 1932. – Volume II. – 333 p.
29. Les «Memoires» de Grand Ecclesiarque de l'eglise de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concile de Florence (1438-1439) / Ed. V. Laurent. P. – Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1971. – 715 p.
30. Nicephori Gregorae, Byzantina Historia / ed. I. Bekker. – Bonn: E. Weber publishing, 1850. – Volume III. – 606 p.
31. Nicephori Gregorae, Byzantina Historia / ed. L. Schopen. – Bonn: E. Weber publishing, 1829. – Volume I. – 666 p.
32. Nicephori Gregorae, Byzantina Historia / ed. L. Schopen. – Bonn: E. Weber publishing, 1830. – Volume II. – 1386 p.
33. Nicetae Choniatae historia / ed. I. L. van Dieten – Berlin: Walter de Gruyter, 1975. – 911 p.
34. Panou, E. Colour in Byzantine Historiography (13th–15th centuries) / E. Panou // Βυζαντινά Σύμμεικτα. – 2019. – № 29. – P. 195–230.
35. Panou, E. The colours Sylvester Syropoulos saw: The ideological function of colour in Byzantine histories and chronicles (13th-15th centuries) / E. Panou // Sylvester Syropoulos on Politics and Culture in the Fifteenth-Century Mediterranean: themes and problems in the memoirs / edited by Dr. Fotini Kondyli, Ms. Vera Andriopoulou, Dr. Mary B. Cunningham, Dr. Eirini Panou. – Farnham, 2014 – P. 175-184.
36. Pastoureau, M. White: The History of a Color / M. Pastoureau. – Princeton: Princeton University Press, 2023. – 240 p.
37. The Chronicle of Morea, [Το Χρονικον Του Μορεως] A history in political verse, relating the establishment of feudalism in Greece by the Franks in the thirteenth century / Ed. John Schmitt. – London: Methuen & Co., 1904. – 640 p.
38. Λαμψίδης,, Οδ. Μιχαήλ του Παναρέτου περί των Μεγάλων Κομνηνών / Οδ. Λαμψίδης // Αρχαίον Πόντον – 1958. – № 22 – Σ. 5–128
39. Τζώρτζης Μπουστρός Διήγησις Κρονίκας Κύπρου / έκδοση: Γ. Κεχαγιόγλου. – Λευκωσία: Κέντρο Επιστημονικών Ερευνών Κύπρου, 1997. – 579 σ.
24. James, Liz. Light and Colour in Byzantine Art / L. James. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 157 p.
25. Laonikos Chalkokondylēs. The Histories: Books 1-5 / Translated by Anthony Kaldellis and Dimitris Crallis. – Cambridge/London: Harvard University Press, 2014. – 537 p.
26. Laonikos Chalkokondylēs. The histories: Books 6-10 / Translated by Anthony Kaldellis and Dimitris Crallis. – Cambridge/London: Harvard University Press, 2014. – 559 p.
27. Leontios Makhairas. Chronicle / Ed. R. M. Dawkins. – Oxford: Clarendon Press, 1932. – Volume I. – 685 p.
28. Leontios Makhairas. Chronicle / Ed. R. M. Dawkins. – Oxford: Clarendon Press, 1932. – Volume II. – 333 p.
29. Les «Memoires» de Grand Ecclesiarque de l'eglise de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concile de Florence (1438-1439) / Ed. V. Laurent. P. – Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1971. – 715 p.
30. Nicephori Gregorae, Byzantina Historia / ed. I. Bekker. – Bonn: E. Weber publishing, 1850. – Volume III. – 606 p.
31. Nicephori Gregorae, Byzantina Historia / ed. L. Schopen. – Bonn: E. Weber publishing, 1829. – Volume I. – 666 p.
32. Nicephori Gregorae, Byzantina Historia / ed. L. Schopen. – Bonn: E. Weber publishing, 1830. – Volume II. – 1386 p.
33. Nicetae Choniatae historia / ed. I. L. van Dieten – Berlin: Walter de Gruyter, 1975. – 911 p.
34. Panou, E. Colour in Byzantine Historiography (13th–15th centuries) / E. Panou // Βυζαντινά Σύμμεικτα. – 2019. – № 29. – P. 195–230.
35. Panou, E. The colours Sylvester Syropoulos saw: The ideological function of colour in Byzantine histories and chronicles (13th-15th centuries) / E. Panou // Sylvester Syropoulos on Politics and Culture in the Fifteenth-Century Mediterranean: themes and problems in the memoirs / edited by Dr. Fotini Kondyli, Ms. Vera Andriopoulou, Dr. Mary B. Cunningham, Dr. Eirini Panou. – Farnham, 2014 – P. 175-184.
36. Pastoureau, M. White: The History of a Color / M. Pastoureau. – Princeton: Princeton University Press, 2023. – 240 p.
37. The Chronicle of Morea, [Το Χρονικον Του Μορεως] A history in political verse, relating the establishment of feudalism in Greece by the Franks in the thirteenth century / Ed. John Schmitt. – London: Methuen & Co., 1904. – 640 p.
38. Λαμψίδης,, Οδ. Μιχαήλ του Παναρέτου περί των Μεγάλων Κομνηνών / Οδ. Λαμψίδης // Αρχαίον Πόντον – 1958. – № 22 – Σ. 5–128
39. Τζώρτζης Μπουστρός Διήγησις Κρονίκας Κύπρου / έκδοση: Γ. Κεχαγιόγλου. – Λευκωσία: Κέντρο Επιστημονικών Ερευνών Κύπρου, 1997. – 579 σ.